

ИУДЕИ ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗЪ ПЛѢНА ВАВИЛОНСКАГО,

(Очеркъ, составленный на основаніи пророческихъ писавій Аггея, Захаріи и Малахіи).

Съ завоеваніемъ Вавилона Киромъ кончились тяжелыя и продолжительныя страданія народа іудейскаго вдали отъ дорогой отчизны, вдали отъ дорогихъ для каждаго іудея развалинъ священнаго города и храма. По указу Кира плѣнники получили возможность возвратиться на родину, возстановить Іерусалимъ и построить храмъ Іеговы. Въ этомъ указѣ Киръ выразилъ такую благосклонность къ іудеямъ, принялъ такое участіе въ устройствѣ ихъ судьбы, что не только далъ имъ позволеніе возвратиться въ свое отечество и построить горель и храмъ, но еще приказалъ помогать имъ золотомъ, серебромъ и другими необходимыми вещами и наконецъ приказалъ выдать имъ священные сосуды, взятые Навуходносоромъ изъ храма Соломонова. Съ восторгомъ приняли плѣнники милость великаго царя; радостно забились ихъ сердца при вѣсти о свободѣ. Въ этой благодатной перемѣнѣ ихъ судьбы они видѣли милость и благоволеніе Іеговы, столько времени гнѣвавшася на нихъ. Іегова снова обратилъ на нихъ Свой милостивый взоръ—и будущее начало свѣтитъ имъ самыми отрадными надеждами, самыми утѣшительными упованіями. Безъ сомнѣнія въ это время припомнились народу іудейскому всѣ великія обѣтованія и пророчества о славной судьбѣ народа Божія, которымъ въ годину испытанія несчастный народъ боялся вѣрить и которыя многимъ начали казаться

весебнотными. Но настоящій радостный исходъ дѣла разогналъ въ народѣ это недовѣріе къ своему будущему, эти сомнѣнія на счетъ евоей судьбы. Упавшій и унывшій духъ народа снова подпаялся высоко. Іегова за нихъ—кто же можетъ сомнѣваться въ возможности исполненія всѣхъ великихъ обѣтованій? И вотъ, еще не двинувшись изъ мѣстъ своего изгнанія, не сдѣлавъ шага на новомъ пути, обрадованный народъ воображаетъ себя уже обладателемъ обѣтованной земли, видитъ Іерусалимъ и храмъ возстановленными въ прежнемъ, если не большемъ, величій и блескѣ; видитъ себя счастливымъ и блаженнымъ, могучимъ и страшнымъ для всѣхъ своихъ враговъ. Словомъ: на первыхъ порахъ народъ былъ ва верху счастья; онъ забылъ о прошедшихъ своихъ невзгодахъ, не думалъ о будущихъ затрудненіяхъ. Кто осмѣлится осуждать и обвинять за этотъ избытокъ радости и веселья народъ, который такъ тяжело и горько страдалъ и теперь вдругъ получилъ свободу? Но справедливость требуетъ замѣтить, что въ его радости было много мечтательнаго, въ его ожиданіяхъ и надеждахъ, въ его упованіи на Бога было много преувеличеннаго и чудеснаго: онъ видѣлъ въ будущемъ только счастье и счастье, мечталъ только объ удачахъ и удачахъ и не думалъ о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя могли встрѣтиться ему тотчасъ по вступленіи его въ Палестину ¹⁾.

¹⁾ Что дѣйствительно такъ мыслили и чувствовали іудеи, возвращаясь изъ плѣна,—это можно видѣть изъ того глубокаго унынія, въ какое они впали по возвращеніи въ Палестину вскорѣ послѣ того, какъ имъ пришлось испытать невыгоды своего положенія: изъ одной крайности они впали въ другую. При неудачахъ и препятствіяхъ они сомнѣваются въ помощи Божіей; малодушествуютъ при видѣ бѣдности возникающаго храма и города (Агг. 2, 3—4). Поэтому пророки стараются внушить іудеямъ, что Іеговъ не благоугодно дѣлать все за нихъ и для нихъ, особенно когда въ нихъ самихъ замѣчаетъ самолюбие, безпечность и нерадѣніе о славіи Божіей (Агг. 1, 2—11), что бѣдность храма и Іерусалима не воспрепятствуетъ пребыванію Іеговы среди народа Своего (Агг. 2, 4 и д. Зах. 2, 5), что препятствія и неудачи разнаго рода не должны служить поводомъ къ сомнѣнію въ попеченіи Іеговы о Своемъ народѣ

А въ дѣйствительности затрудненій этихъ было не мало.

Прежде всего почти вся Палестина была занята чуждыми, враждебными іудеямъ народами. Можно сомнѣваться на счетъ того, позволилъ-ли Ёиръ этимъ первымъ возвратившимся изъ плѣна іудеямъ занять всю область даже прежняго царства іудейскаго. Изъ очень краткаго повѣствованія Св. Писанія видно, что вначалѣ все сосредоточивалось около храма и Іерусалима. Что мѣсто древнесвященнаго города съ приличной окружностью было передано возвратившимся и очищено отъ чуждыхъ жителей, которые успѣли тутъ поселиться, — это понятно само собою. Но очень замѣчательно, что въ подробномъ спискѣ возвратившихся въ первый разъ упоминаются новыя поселенцы только ограниченаго числа городовъ древняго царства, и притомъ это по большей части только сѣверные города, которые вмѣстѣ съ Іерусалимомъ причислялись къ древнему Веніамину; изъ южныхъ мы находимъ только Вилеємъ, который со временъ Давида почти неразрывно былъ связанъ съ Іерусалимомъ (1 Ездр. 2; Неем. 7). Такое явленіе не могло быть случайнымъ: безъ сомнѣнія въ Вавилонѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что только эти города и свободны для возвращающихся. Остальныя важнѣйшія части древняго царства іудейскаго и израильскаго были заняты идумеями, самарянами и другими народами. Идумеи владѣли тогда всею югомъ царства іудейскаго и древнимъ главнымъ городомъ Хеврономъ, а на западѣ — до древнихъ филистимскихъ областей; далѣе къ сѣверо-востоку отъ Іерусалима между Іерихономъ и очень незначительной областью обитателей Самаріи они владѣли пространствомъ около Іордана съ городомъ Акрабимомъ, отъ чего вся эта область называлась Акрабатавіей. Какъ идумеи овладѣли этими землями и утвердились въ нихъ,

(Захар. 3, 9, 4, 6, 7, 10) и внимательнѣе могутъ замѣтить дѣйствія провидѣнія и среди затрудненій народа (Зах. 3, 8), что народъ іудейскій достигнетъ величія, славы и счастья, но не вдругъ, а главное стараются внушить ему, что величіе его будетъ духовное, а не чувственное (Зах. 3, 10; 4, 1, 6; гл. 8)

мы не имѣемъ на это ни одного прямаго свидѣтельства. Вѣроятно Навуходоносоръ въ награду за ихъ неоднократную помощь ему во время войнъ противъ Іерусалима сдѣлалъ ихъ обладателями мѣстностей къ югу и сѣверовостоку отъ Іерусалима, чтобы съ двухъ сторонъ сторожить за іудеями при помощи преданнаго себѣ народа. И эти давніе наслѣдственные враги израиля владѣли сими мѣстностями и теперь, когда Биръ далъ свободу іудеямъ и, по всѣмъ признакамъ, онъ вовсе не хотѣлъ изгонять идумеевъ изъ тѣхъ странъ, которыя ими были занимаемы и обрабатываемы въ продолженіи 50—60 лѣтъ.

Далѣе въ сѣверныя и средніе предѣлы земли обѣтованной проникли многіе языческіе народы и крѣпко утвердились здѣсь. На далекомъ сѣверѣ ея, какъ уже показываетъ самое его имя Галилея, такъ же и на востокъ по ту сторону Іордана издавна жили язычники, сильно смѣшавшіеся съ израильтянами; здѣсь же еще отъ временъ вторженія скифовъ сохранился городъ, населенный ихъ остатками, всегда ревниво берегшій свою независимость. Въ срединѣ страны въ Самаріи жили поселенцы языческаго происхожденія, оставшіеся здѣсь отъ ассиріявъ. Эти чуждые поселенцы, собранные сюда изъ очень различныхъ странъ, уже давно свыклись съ этою страной и въ продолженіи времени видимо все болѣе и болѣе сроднялись между собою и образовали одну народность. Изъ этого видно, что даже въ средину священной страны проникли разнообразныя языческіе элементы.

Такимъ образомъ возвратившись въ свою отчизну іудеи очутились лицомъ къ лицу съ чуждыми и враждебными къ нимъ народами, которые окружили новое неутвердившееся общество со всѣхъ сторонъ. Чтобы утвердиться, чтобы поставить себя въ безопасное положеніе, ему, кромѣ сильной энергіи душевной, не мало нужно было и матеріальныхъ средствъ и силъ. Энергія и вѣры въ свое будущее на первыхъ порахъ у новаго общества было много, но не много было у него силы и средствъ матеріальныхъ. Даже самое число воз-

вратившихся вначалѣ было очень незначительно. Мы вѣрно знаемъ, что число всѣхъ, которые собрались около развалины Іерусалима и прочихъ занятыхъ имя городовъ, состояло только изъ 42,360 мужей съ 7337 рабами и рабынями. Правда, можно думать, что это были самые горячіе патріоты, но въ матеріальномъ отношеніи это были по большей части люди бѣдные: богатѣйшіе и могущественнѣйшіе іудеи мало склонны были къ возвращенію въ отечество.

Но не смотря на свою бѣдность, малочисленность и множество враждебныхъ народовъ, подкрѣпляемые почти единственно упованіемъ на помощь Божію, іудеи бодро приступили къ тому дѣлу, которое важнѣе всего было для ихъ народной жизни. Возвратившіеся съ Зоровавелемъ прежде всего должны были начать постройку храма: возстановить древнюю святыню было задачей ихъ священной ревности. Но трудность очистить развалины древняго священнаго мѣста и приготовить его для основанія новаго храма была такъ велика, что при наступленіи 7-го мѣсяца построили только простой алтарь и по древнему обычаю принесли на немъ жертву. Не смотря на бѣдность народа ревностно подвигались впередъ приготовленія къ постройкѣ храма. Опять, какъ нѣкогда при строеніи перваго храма, съ Ливана поставляли кедровое дерево, нанимали плотниковъ и другихъ работниковъ, нанимали тирскіе и сидонскіе корабли для перевозки драгоцѣннаго дерева до гавани іоппійской. Такимъ образомъ во второмъ мѣсяцѣ слѣдующаго года приспѣло время положить основаніе храма и это совершенно было самымъ торжественнымъ образомъ при звукахъ трубъ, при пѣніи левитовъ и благодарственныхъ пѣсняхъ всего народа (1 Ездр. 5, 16 ср. съ 3, 10 и д.). Хотя у многихъ старѣйшихъ жрецовъ, левитовъ и начальниковъ, которые еще видѣли первый храмъ (ср. Агг. 2, 2. Зах. 4, 10 съ 1 Ездр. 3, 12), при взглядѣ на бѣдное основаніе этого храма, далеко уступавшаго первому въ красотѣ и блескѣ, невольно вырвались громкія рыданія: однакожь весь остальной народъ такъ сильно торжествовалъ при этомъ, что „нельзя

было распознать восклицаніи радости отъ воплей плача народнаго“ (1 Езд. 3, 13).

Въ эти дни народной радости и ликованіи общество самарійскихъ поселенцевъ чрезъ торжественное посольство изъявило желаніе принять участіе въ построеніи храма; оно говорило: „будемъ и мы строить съ вами, потому что мы, какъ и вы прибѣгаемъ къ Богу вашему, и Ему приносимъ жертвы отъ дней Асардана, царя сирійскаго, который перевелъ насъ сюда“ (1 Езд. 4, 2). Но представители возвратившагося изъ плѣна народа іудейскаго объявили, что не хотятъ имѣть съ вами никакого общенія въ дѣлѣ построенія храма и имѣютъ позволеніе Кира только для самихъ себя. Истинное же основаніе такого отказа могло лежать только въ особенныхъ свойствахъ самарянъ. Хотя уже полтора столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ введена была религія Іеговы между язычниками, по преимуществу, поселенцами Самаріи; но она введена была въ полуязыческомъ видѣ прежняго царства 10 колѣпъ и кромѣ того она искажена была языческими возрѣвнїями поселенцевъ Самаріи, принадлежащихъ къ разнымъ племенамъ языческаго востока (4 Цар. 17. 24 — 41). Можетъ быть лучшіе люди самарянскаго общества тяготились такимъ смѣшеніемъ различныхъ религій и отъ нихъ-то можетъ быть и вышло предложеніе своего участія въ постройкѣ храма іерусалимскаго. Но члены поваго іудейскаго общества не были уже похожи на своихъ предковъ, весьма склонныхъ къ язычеству.

Продолжительное народное бѣдствіе совершенно измѣнило духъ народа; теперь члены обновившагося общества ревниво хранили чистоту своей религіи, и духъ этой религіозной осторожности и мнительности, вполнѣдствіи развившійся до исключительности, въ первый разъ обнаружился въ іудеяхъ при этой попыткѣ самарянъ: теперь въ Іерусалимѣ трепетали уже отъ одной мысли о соединеніи съ сосѣдями, у которыхъ религія не довольно чиста. При этомъ легко могли придти на память древнія укоризны противъ Самаріи и тѣ бѣдствія, ко-

торыя постигли іудейское общество за близкія сношенія съ нею—и въ новомъ обществѣ пробуждается гордое презрѣніе къ сосѣдямъ смѣшанной или чисто языческой крови. Конечно этотъ отказъ самарянамъ очень благопріятно подѣйствовалъ на народную ревность новыхъ поселенцевъ въ Іерусалимѣ и безъ сомнѣнія предстоятели новаго общества дѣйствовали только въ духѣ большинства тогдашнихъ іудеевъ.

Но дальнѣйшія послѣдствія этой религіозной осторожности и боязливости были очень не благопріятны для новаго общества. Отверженіе предложенія самарянъ было поводомъ къ возбужденію прежней вражды между новымъ обществомъ и сосѣдными народами. Потому что въ этомъ событіи высказался духъ новаго общества, ясно обнаружилось, въ какія отношенія станеть оно къ сосѣдямъ, лишь только почувствуетъ силу и успѣеть достаточно утвердиться. Народы, населявшіе теперь священную землю, хорошо понимали, что имъ угрожаетъ борьба на жизнь и смерть, что имъ грозитъ въ послѣдствіи опасность или быть изгнанными изъ Палестины, или лишиться самостоятельности. Дѣйствительно нельзя сказать, чтобъ опасенія сосѣднихъ народовъ были совершенно безъ основанія: даже въ этомъ столь слабомъ остаткѣ израиля жило еще много древята духа со всѣми воспоминаніями о прошедшей славѣ и со всѣми надеждами на блестящее будущее и въ лицѣ Зоровавеля стоялъ во главѣ іудейскаго общества потомокъ Давидовъ, около котораго теперь сосредоточились всѣ мессіанскія упованія, какъ это открывається изъ пророческихъ словъ того времени (Агг. 2, 20—24; Зах. 3, 8. 4, 9—14 ср. съ высокими надеждами на разрушеніе всѣхъ языческихъ царствъ—Зах. 2). И вотъ самаряне, оскорбленные отказомъ, употребили все стараніе при персидскомъ дворѣ, чтобъ выставить іудеевъ людьми безпокойными и мятежными: и имъ удалось выхлопотать царскій указъ о прекращеніи постройки храма (1 Езд. 4, 4 и д.). Постройка храма остановилась и не подвигалась впередъ во все остальное время царствованія Кира. Безъ сомнѣнія съ наступленіемъ новаго царствованія

можно было надѣяться на благопріятную перемену обстоятельствъ; но сосѣди Іерусалима и въ Камбизѣ успѣли возбудить недовѣріе къ народу іудейскому, нерасположеніе къ постройкѣ храма іерусалимскаго, къ восстановленію самаго города. И запрещеніе строить храмъ оставалось въ прежней силѣ въ продолженіи царствованій Камбиза и Лжесмердиса: потому что непріязненная интрига противъ іудейскаго общества неутомимо велась при дворѣ персидскомъ до воцаренія Дарія (1 Езд. 4, 4—24).

Уже однихъ этихъ препятствій и неудачъ, которыми сопровождалось построеніе храма, достаточно было, чтобъ значительно уронить бодрость духа въ народѣ іудейскомъ. Но испытанія его этимъ не ограничились. Къ псевдобствамъ и невыгодамъ новаго общества присоединилось еще и то, что самая земля, на которой они поселились теперь, по причинѣ продолжительнаго запустѣнія и неоднократныхъ опустошеній, одичала и стала неплодородною. Земледѣліе іудеевъ долго находилось въ самомъ плачевномъ положеніи, труды и траты новыхъ поселенцевъ далеко не вознаграждались плодородіемъ земли. Достоинства почвы упали до того сравнительно съ прежнимъ ея состояніемъ, что тамъ, гдѣ получали нѣкогда изъ кошны двадцать мѣръ зерна, теперь получали только десять: *егда влагасте въ мѣхъ ячмене двадесять сатъ, и быша ячмене десять сатъ, и входисте въ подточиліе черпати пятьдесятъ мѣръ, и быша двадесять* (Агг. 2, 17). Бесплодіе ея по временамъ простиралось до того, что земледѣлецъ не выручалъ даже засѣянныхъ сѣмянъ (Агг. 1, 6). Къ несчастію новыхъ поселенцевъ и безъ того бесплодная и одичавшая почва не разъ страдала отъ засухи: *удержится небо отъ росы, и земля оскудитъ изношенія своя. И насаду мечъ на землю, и на горы, и на пшеницу, и на вино, и на елей, и на вся, елика износитъ земля, и на человекѣ, и на скоты, и на вся труды рукъ ихъ* ¹⁾ (Агг. 1, 10, 11 ср. 2, 18). Отъ

¹⁾ Съ евр. небеса надъ вами удерживаютъ росу свою и земля не даетъ плодовъ своихъ. И Я призвалъ засуху на землю, и на горы, на хлѣбъ,

того хозяйство и домашняя жизнь народа были весьма скудны; хозяинъ дома испытывалъ недостатокъ въ самомъ необходимомъ, семья его не имѣла достаточно пищи, нитя, не имѣла теплаго жилища; народъ постоянно долженъ былъ опасаться наступленія голоднаго времени. При крайней бѣдности и недостаточности средствъ, у новыхъ поселенцевъ все какъ-то не спорилось; замыслы ихъ не приходили въ исполненіе, предприятия не удавались. Такъ изображаетъ пророкъ бѣдность и безпомощность новаго общества: *стяжете много и возьмете мало, ядoste, и не въ сытость, писте, и не въ пїянство, облекостеся и не согрѣстесея въ нихъ: и собираяй мзды, собраво влагалище дураво. Призрѣте на многа, и быша мала, и внесосте я въ храмъ (домой), и отдуныхъ я* (Агг. 1, 6. 9). *Аще еще познается на гумнь, и аще еще виноградъ и смокви, и яблонь, и древа масличная не творящая плода* ¹⁾ (Агг. 2, 20). Тогда по словамъ другаго пророка, *мзда чelовѣкомъ не бѣ во успѣхъ, и мзда скотомъ не бѣше* (Зах. 8, 10).

При крайней скудости и бѣдности внѣшняя безопасность общества не была достаточно ограждена и обезпечена: она нарушена была частію дикими звѣрями, которые размножились въ продолжительное время безлюдья, частію всеобщимъ смятеніемъ, въ которое приведены были народы, жившіе въ сосѣдствѣ съ іудеями, безумнымъ походомъ Камбиза противъ Египта. Во всѣ эти страны, тяжело пострадавшія отъ персидскаго похода, не разъ дѣлали вторженія морскіе разбойники и производили опустошенія; тогда больше всего имѣло значеніе право сильнаго и буквально исполнилось изреченіе пророка: *и исходящему и входящему не бѣ мира отъ печали* (отъ врага) *и послю* (я допускалъ возставать) *вся чelовѣки коeгождо на искренняго своего* (Зах. 8, 10).

и на виноградный сокъ, и на деревянное масло, и на все, что производить земля, и на людей, и на скотъ и на всѣ труды рукъ.

¹⁾ Съ евр.: остаются ли уже въ жилищахъ зерна? И до нынѣ ли виноградная лоза, ни смоконница, ни граната, ни масличное дерево не приносили плода.

Одинокое положеніе среди враждебныхъ народовъ, бѣдность и нищета, доходившая почти до общественнаго голода, вражда самарянъ, неблагопріятная перемѣна въ отношеніяхъ персидскаго двора къ новому обществу и вслѣдствіе всего этого невозможность строить храмъ Іеговѣ—все это произвело самое неблагопріятное вліяніе на новое, еще не окрѣпшее и не утвердившееся общество: оно упало духомъ. Прѣжнихъ одушевленныхъ надеждъ на быстрое возстановленіе храма, Іерусалима и всей славы іудейскаго царства, съ которыми плѣнники возвратились въ свое отечество, теперь какъ бы не существовало. На мѣсто ихъ въ обществѣ переселенцевъ распространилось уныніе, возникли разнаго рода сомнѣнія и недоразумѣнія. Видя неоконченнымъ свой храмъ, стали сомнѣваться въ благоволеніи и помощи Іеговы, на которую такъ много надѣялись прежде; думали, что они вовсе не во время принялись за постройку храма: *людіе сіи глаголютъ: не прииде время создати храмъ Господень* (Агг. 1, 2); на основаніи настоящихъ неудачъ стали заключать, что гнѣвъ Іеговы, постигшій ихъ предковъ, и теперь еще тяготѣетъ надъ ними, и кто знаетъ, скоро-ли Іегова перестанетъ гнѣваться на нихъ. Вслѣдствіе этихъ сомнѣній явился въ обществѣ самый мрачный взглядъ на свое возвращеніе изъ Вавилона, на свои попытки возстановить храмъ и Іерусалимъ, надежды видѣть возстановленіе древняго царства смѣнились теперь горькимъ отчаяніемъ: „напрасно возвращались мы изъ Вавилона, напрасно мечтали возстановить храмъ, Іерусалимъ и все царство“, думали тогдашніе іудеи. Эти сомнѣнія и недоумѣнія становились еще сильнѣе, западали въ душу еще глубже, когда новые поселенцы обращали вниманіе на свое ничтожество, и на многочисленность и силу народовъ, ихъ окружающихъ (Зах. 1, 19. 21). Израиль разсѣянъ ими на всѣ четыре стороны, униженъ до того, что никто не можетъ поднять главы своей (—21); ему-ли надѣяться возстановить Іерусалимъ, возвигнуть храмъ Іеговѣ? ему-ли надѣяться на возвращеніе

славы прежняго царства и на побѣду надъ врагами? Ско- рѣе нужно полагать, что этотъ маленькій остатокъ Израиля уничтожится и подавленъ будетъ огромной массой языче- скихъ народовъ. И въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи это новое маленькое общество стало думать, что Іегова прекра- тилъ Свой гнѣвъ и обратилъ опять Свой милостивый взоръ на Сіонъ и Іерусалимъ? Что служить залогомъ этой благодат- ной переменѣ въ отношеніяхъ Іеговы къ Израилю? Не мечта- ли—это? Въдѣ храмъ, въ которомъ Іегова являлъ бы Свое присутствіе среди Своего народа и принималъ отъ него по- клоненіе и жертвы, еще не существуетъ и самое созиданіе его встрѣчаетъ неодолимыя препятствія. Іерусалимъ даже не имѣетъ вокругъ себя стѣнъ, безъ которыхъ каждому іудею онъ представлялся беззащитнымъ городомъ. А таковъ ли долженъ быть Іерусалимъ, въ которомъ явится Мессія? (Зах. гл. 2). Все это подавало іудеямъ поводъ думать, что прежнія близкія и благодатныя отношенія Іеговы къ Израи- лю еще не восстановлены.

Среди разнаго рода неудачъ, несчастій, сомнѣній прошло около двадцати лѣтъ. Все сильнѣе и сильнѣе начало про- являться въ народѣ глухое недовольство; боязнь, малоду- шіе и самолюбіе готовы были охватить все общество. Въ то время, какъ крайне нужно было общими усиліями по- ложить самыя первыя основы общества и доставить ему необходимыя средства защиты, многіе стали думать, что нужно прежде всего позаботиться о себѣ, и свою соблаз- нительную лѣнь и отвращеніе отъ благороднаго труда извиняли тѣмъ, что теперь вовсе не время, оставляя свой домъ, соединенными силами записаться постройкой храма: *Сиче глаголетъ Господь Вседержитель, глаголя: людие сіи глаголютъ: не прииде время создати храмъ Господень. И бысть слово Господне рукою Агея пророка, глаголюща: аще время убо вамъ есть жити въ домахъ вашихъ исте- санныхъ, храмъ же мой сей запустъ? (Агг. 1, 2—4); храмъ мой есть пусть, вы же течете кійждо въ домъ свой (—1,9)*

Эти неудачи начали производить уныніе даже въ предстоятеляхъ новаго общества—первосвященникъ Іисусъ и Зоровавель, которые теперь въ особенности должны бы отличаться непоколебимою вѣрою и упованіемъ на Бога. Въ особенности тяжелымъ камнемъ все это падало на сердце благочестиваго первосвященника и мало по малу онъ началъ поддаваться малодушію и робости, потому что его преслѣдовала мысль, что Богъ все еще гнѣвается на Израиля и что еще не кончился плѣнь. Для чего же жертвы, когда Господь отвращается отъ народа Своего и не возстановилъ прежняго завѣта Своего? Какъ могло быть пріятнымъ Іеговѣ служеніе, когда первосвященникъ является предъ Нимъ въ измаранныхъ одеждахъ (т. е. находится въ состояніи не милости—Зах. 3)?

Зоровавель, на которомъ лежало преимущественно попеченіе о гражданскомъ устройствѣ новаго общества, не мѣнѣе первосвященника страдалъ отъ разнаго рода сомнѣній и недоумѣній. Болѣе, нежели кто нибудь, понималъ онъ затруднительныя обстоятельства своего общества, болѣе, нежели кто нибудь, могъ оцѣнить всѣ его нужды и потребности. Нужно было дать твердую опору гражданскому порядку въ новомъ обществѣ, построить общественныя зданія, въ особенности возстановить Іерусалимъ съ его святыней и такимъ образомъ новому царству дать прочное и безопасное положеніе. Всѣ эти обязанности лежали на его совѣсти; но для исполненія ихъ не мало нужно было средствъ, а ихъ не было. Мы уже знаемъ, въ какомъ жалкомъ состояніи находилось общество, какая бѣдность тяготила его, въ какое непріязненное и уединенное положеніе стало оно къ своимъ сосѣдямъ. Особенно вражда самарянъ много повредила новому обществу. Своими происками при дворѣ персидскомъ, слѣдствіемъ которыхъ было прекращеніе постройки храма, они нанесли новому обществу самый тяжелый нравственный ударъ: этотъ ударъ попалъ въ самое чувствительное мѣсто: съ храмомъ соединены были неразрывно всѣ интересы новаго

общества,—религіозные, нравственные и гражданскіе; съ нимъ соединены были все надежды и упованія; храмъ былъ главнымъ пунктомъ, около котораго сосредоточивалась вся жизнь новаго общества. Прекратить жизнь въ этомъ пунктѣ значило остановить ее во всемъ обществѣ. Вотъ почему прекращеніе постройки храма произвело глубокое уныніе въ возвратившихся іудеяхъ. Зоровавель лучше другихъ понималъ значеніе храма для жизни всего общества и конечно сильнѣе другихъ печалится отъ невозможности строить его. И чѣмъ больше думалъ онъ объ этомъ, тѣмъ больше представлялось ему препятствій въ этомъ важномъ дѣлѣ. Кромѣ опасеній за новое общество, его безъ сомнѣнія не мало безпокоили опасенія за самого себя. Какъ предстоятель общества, какъ потомокъ царскаго дома Давидова, онъ прежде всѣхъ могъ подвергнуться опалѣ, въ случаѣ гнѣва персидскихъ царей. И эта опасность не разъ угрожала Зоровавелю. Такъ въ царствованіе Ахасердеса персидскіе чиновники писали ко двору письмо, въ которомъ выставляли новыхъ жителей Іерусалима самыми опасными людьми: лишь только имъ удастся укрѣпить городъ и построить храмъ, они непременно станутъ во враждебное отношеніе къ персидской монархіи и будутъ добиваться независимости и самостоятельности (1 Езд. 4, 7—24). Какъ начальникъ общества и какъ потомокъ царскаго дома Давидова, Зоровавель скорѣе всѣхъ могъ подвергнуться опалѣ со стороны персидскаго двора вслѣдствіе непріязненнаго письма. Таже опасность угрожала Зоровавелю и тогда, какъ по голосу пророковъ Аггея и Захаріи іудеи снова принялись за постройку храма, безъ разрѣшенія персидскаго двора. Узнавъ о продолженіи постройки храма, персидскій чиновникъ послалъ царю подробное донесеніе о томъ, что дѣлается въ Іерусалимѣ, съ указаніемъ именъ тѣхъ лицъ, которыя имѣли вышній надзоръ надъ постройкой храма и потому больше всѣхъ подлежали отвѣтственности предъ персидскимъ владыкою (1 Езд. 5, 3—5). Что это были за

мужи, которые указаны были двору, какъ возможные бунтовщики, мы въ точности не знаемъ; но само собою понятно, что Зоровавель былъ одинъ изъ первыхъ. При видѣ такихъ затрудненій и опасностей, грозившихъ какъ цѣлому обществу, такъ и лично Зоровавелю, очень трудно было ему остаться мужественнымъ, сохранить себя свободнымъ отъ недоумѣній, отъ сомнѣнія въ счастливой будущности новаго общества. И дѣйствительно Зоровавель началъ поддаваться унынію и считать препятствія къ возстановленію города и храма непреодолимыми (Агг. 2, 20—23. Зах. гл. 4).

Но въ эти важныя и опасныя минуты, когда уныніе готово было охватить все общество, когда переселенцы, едва начавъ свое дѣло, готовы были уже оставить его, явились на помощь народу пророки Аггей и Захарія. Своимъ могучимъ словомъ они оживили совѣмъ было упавшее мужество своихъ согражданъ и своими утѣшительными откровеніями и обѣтованіями воскресили въ немъ вѣру въ будущее значеніе судебъ іудейскаго народа и исполненіе всѣхъ древнихъ обѣтованій. Они всѣми силами стараются возбудить ревность къ построенію храма, который долженъ быть оконченъ, не смотря ни на какія человѣческія опасенія и сомнѣнія. Мужество ихъ возбуждалось еще болѣе отъ сознанія всей важности этого дѣла. Они очень хорошо понимали, что если новое общество хочетъ опять сдѣлаться избраннымъ народомъ Іеговы и не желаетъ воротиться назадъ, то оно непременно должно прежде всего построить храмъ. Храмъ іерусалимскій имѣетъ существенное значеніе для ветхозавѣтной Церкви Божіей. Благодатный союзъ Бога съ Своимъ избраннымъ народомъ необходимо предполагалъ существованіе особеннаго мѣста, въ которомъ могло бы проявляться и поддерживаться благодатное общеніе между Богомъ и народомъ и которое служило бы видимымъ залогомъ дѣйствительности этого общенія.

Поэтому Богъ, тотчасъ послѣ заключенія завѣта съ народомъ Своимъ при Синаѣ, повелѣлъ Моисею устроить скинію,

въ которой, какъ въ видимомъ символѣ, Ему угодно было являть Свое присутствіе среди народа, и въ знаменіе исполненія этого божественнаго обѣтованія „облако покрыло и слава Господня наполнила“ какъ сѣкю, такъ и заступившій ея мѣсто храмъ Соломоновъ (Исх. 40, 34; 3 Цар. 8, 10, 11). Такимъ образомъ существованіе ветхаго завѣта или Царства Божія въ избранномъ народѣ было тѣсно связано съ храмомъ. Съ разрушеніемъ храма прекратился союзъ между Богомъ и избраннымъ народомъ. Чтобъ возобновить союзъ, прерванный во время плѣна, возстановить Царство Божіе въ ветхозавѣтной формѣ,—пароду іудейскому прежде всего необходимо было построить новый храмъ и тѣмъ фактически доказать свое желаніе и свою готовность снова вступить въ благодатное общеніе съ Богомъ. Потому пророки прежде всего стараются устранить главное и самое существенное препятствіе къ исполненію этой важнѣйшей обязанности. Препятствіе это заключается въ перадѣніи самого народа къ этому святому дѣлу, въ его малодушіи и робости.

Народъ говорилъ: „еще не пришло время строить домъ Іеговы“. Къ такому заключенію народъ пришелъ вслѣдствіе своей бѣдности, безсилія, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній къ нему сосѣдей. Препятствія такого рода онъ считалъ непреодолимыми; ими онъ оправдывалъ себя предъ своею совѣстью и уже готовъ былъ оставить свое дѣло. Но пророкъ Аггей главную причину всѣхъ неудачъ видѣлъ не въ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, но въ самихъ іудеяхъ: въ ихъ нерадѣніи и лѣности, въ недостаткѣ мужества и настойчивости. Препятствія, которыми извинялъ себя народъ, дѣйствительно были; ихъ никто не отвергаетъ, но они далеко не таковы, чтобъ ихъ нельзя было преодолѣть. Каждый хозяицъ дома, каждое семейство уже успѣли построить себѣ домъ, обшить его тесомъ и обзавестись, хоть небогатымъ, хозяйствомъ. Затруднительныя обстоятельства того времени не помѣшали этому дѣлу. Любовь къ собственному благу, любовь къ своему семейству дали возможность преодолѣть

всѣ препятствія къ постройкѣ частныхъ домовъ. Отчего же домъ Іеговы стоитъ въ запустѣніи? Если бы у нихъ любви къ Іеговѣ, ревности къ Его славѣ было столько же, сколько любви къ собственному благу, то постройка храма была бы уже окончена. Совершенство этого дѣла для цѣлаго общества не представило бы большихъ трудностей, чѣмъ тѣ, которыя встрѣчались каждому хозяину при устройствѣ своего дома. Такъ пророкъ приводитъ народъ къ признанію своего нерадѣнія, невнимательности въ отношеніи къ дому Іеговы. И въ несчастіяхъ, постигавшихъ новое общество, опъ видитъ наказаніе Божіе за это нерадѣніе (Агг. 1, 5. 6. 9—11 ср. 2, 15—19).

Изъ упомянутыхъ неудачъ и бѣдствій народъ вывелъ заключеніе, что Іегова все еще гнѣвается на него. Голосъ пророческій старается уничтожить и это сомнѣніе, приводившее въ уныніе іудеевъ. Со стороны Іеговы уже нѣтъ препятствій къ возстановленію завѣта съ народомъ іудейскимъ. Гнѣвъ Его прекратился и взоръ Его милостиво обращенъ къ Своему народу. Іегова сжалился надъ Своимъ народомъ, возревновалъ о Іерусалимѣ и Сіонѣ ревностію великою и положилъ въ Своемъ совѣтѣ возстановить храмъ и Іерусалимъ (Зах. 1, 14. 16). Возстановленіе Іерусалима—дѣло до того несомнѣнное, что Господь уже опредѣлилъ, какой быть широтѣ его и какой длинѣ его (Зах. 2, 1. 2). Онъ сдѣлается городомъ многолюднымъ и славнымъ. Вслѣдъ за нимъ будутъ возстановлены и прочіе города іудейскаго царства; они быстро населятся и станутъ преизобиловать богатствомъ (Зах. 2, 4; 1, 17).

Безъ сомнѣнія отрадпо и возбуждительно дѣйствовали на іудеевъ эти пророческія обѣтованія. Но все еще іудеи не могли укрѣпиться духомъ въ виду непривлекательной, незавидной дѣйствительности. Слава и величіе Іерусалима и храма, процвѣтаніе и благоденствіе царства какъ пи близки были сердцу каждаго іудея; но все же оно не могло отдаться вполне этой вѣрѣ, потому что Іерусалимъ все еще оста-

вался беззащитнымъ, не имѣлъ еще стѣны. Какъ могъ іудей быть увѣреннымъ въ будущемъ величіи своего народа, когда этотъ народъ въ сравненіи съ прочими такъ ничтоженъ и малъ, такъ униженъ и обезсиленъ? Чтобъ разсѣять эти сомнѣнія, пророкъ старается внушить своему народу, что лый Іерусалимъ не будетъ нуждаться въ стѣнахъ: самъ Іегова будетъ его стѣною. Онъ поселится среди Своего народа и будетъ беречь его, какъ зеницу ока: *и Азъ буду ему, глаголетъ Господь, стѣна огненна окрестъ, и въ славу буду посреди его* (Зах. 2, 5). *Зане се Азъ иряду, и вселюся посреди тебе* (—10)... *касайся васъ, яко касаяся въ зѣницу ока Ею* (—8). Посему іудеи не должны смущаться при мысли о своемъ ничтожествѣ и безиліи и о величіи и могуществѣ своихъ многочисленныхъ враговъ. Всесильная помощь и защита Іеговы даетъ незначительному іудейскому народу рѣшительный перевѣсъ надъ прочими народами. Вотъ уже близко то время, когда Іегова сокрушитъ могущество языческихъ народовъ, которые владычествовали надъ іудеями, унизили и разсѣяли ихъ по всѣмъ страпамъ (Зах. 1, 21). Велѣдъ за уничтоженіемъ могущества враговъ народа іудейскаго послѣдуетъ собраніе всѣхъ разсѣянныхъ іудеевъ въ землю обѣтованную и воцареніе надъ ними Іеговы: іудейскій народъ снова сдѣлается удѣломъ Іеговы (Зах. 2, 6. 7. 12. 13).

Обличая и утѣшая цѣлый народъ, пророки не разъ обращались съ своими ободрительными рѣчами и къ частнымъ лицамъ, отъ которыхъ много зависѣло благоустройство новаго общества — къ первосвященнику Іисусу и Зоровавелю. Мы уже видѣли, что ушніе, распространившееся въ обществѣ, коснулось и этихъ лицъ. Для уничтоженія всѣхъ сомнѣній первосвященника и для возбужденія его бодрости пророкъ Захарія, подъ образомъ снятія съ первосвященника измаранныхъ одеждъ и облаченія его въ одежды свѣтлыя, открываетъ, что Іегова прекращаетъ гнѣвъ на народъ Свой и пріемлетъ его подъ Свое покровительство; вина его уничтожена. Іегова снова пріемлетъ отъ народа служеніе, молит-

вы и жертвы. Пусть же не смущается сердце первосвященника за народъ, ввѣренный его попеченію! И какъ можно было первосвященнику поддаться сомнѣнію и говоритъ въ сердцѣ своемъ: „дѣло наше напрасно, потому что мы не имѣемъ никакихъ залоговъ помилованія и исполненія нашихъ упованій“? „Ты и други твои сидящіе предъ тобою — мужи знаменія“. Все состояніе возвратившихся было необыкновенно, и хотя оно было печально, но все же для взора вѣрующаго служило залогомъ и знаменіемъ будущаго. Самое возвращеніе было знаменіемъ и чудомъ. Возвратилъ ли бы ихъ Господь, еслибы не хотѣлъ исполнить Своихъ обѣтованій? (Зах. 3, 9).

Подобнымъ же образомъ пророкъ ободряетъ и Зоровавеля. Конечно самъ по себѣ народъ іудейскій слабъ и ничтоженъ, не представляетъ Зоровавелю могущественныхъ средствъ къ устройству храма и всей жизни народа; но Зоровавель копчить это великое дѣло не своєю силою и крѣпостію, а подкрѣпляемый всемогуществомъ Іеговы, Его бдительнымъ попеченіемъ о Своемъ народѣ: ради блага Своего народа Провидѣніе Божіе бодрствуетъ надъ Зоровавелемъ и устраняетъ на его пути всѣ препятствія, какъ бы они велики ни были. *Сіе слово Господне къ Зоровавелю, глаголя: не въ силѣ величій, ни въ крѣпости, но въ Дусѣ Моемъ, глаголетъ Господь Вседержитель. Кто ты еси гора великая предъ лицемъ Зоровавеля, еже исправить? (съ Евр. Что ты, великая гора, предъ Зоровавелемъ? равнина. Зах. 4, 6, 7). Руцѣ Зоровавелевы основаша храмъ сей, и руцѣ его совершатъ его (Зах. 4, 9 ср. Агг. 2, 21—23).*

Ободренные и утѣшенные пророческимъ словомъ іудеи снова принялись за постройку храма, даже прежде нежели получили разрѣшеніе на это отъ персидскаго двора (Агг. 1, 14 ср. 1 Езд. 5, 1—5). Между тѣмъ чиновники персидскіе, узнавъ о возобновившейся постройкѣ храма, послали допесеніе ко двору. Благодаря справедливости и умѣренности царя Дарія, дѣло кончилось счастливо для іудеевъ. Вслѣд-

ствіе представленія намѣстника, изобразившаго дѣло правильно и безпристрастно, при персидскомъ дворѣ приказали изслѣдовать дѣло исторически и—царскій указъ снова подтвердилъ первоначальное позволеніе Кира (1 Ездр. 5, 6—6, 13). Постройка храма быстро начала подвигаться впередъ и скоро приведена была къ концу (1 Ездр. 6, 14. 15).

Ничтоженъ, малъ и бѣденъ былъ теперь народъ іудейскій. Предшествующая катастрофа едва не уничтожила бытіе іудейскаго народа. Послѣ нея онъ былъ такъ слабъ, что едва могъ положить самыя первыя основанія новой гражданской своей жизни, едва могъ удовлетворить первымъ своимъ потребностямъ. Отъ прежняго гражданскаго значенія іудейскаго народа почти не осталось никакихъ слѣдовъ. Но не такими послѣдствіями сопровождался вавилонскій плѣнъ для религіозной и нравственной жизни народа іудейскаго.

Изъ предшествующей исторіи народа іудейскаго мы знаемъ, до какой степени палъ онъ въ религіозно-нравственной жизни. Онъ до того склоненъ былъ къ идолопоклонству, что постоянно забывалъ Іегову ради всякаго новаго идолослуженія; въ сознаніи многихъ изъ іудеевъ Іегова низведенъ былъ на степень обыкновенныхъ боговъ; явились наконецъ такіе люди, которые жили безъ всякой религіи. И въ нравственной жизни народъ іудейскій мало отличался отъ язычниковъ: располагать свою жизнь сообразно правиламъ и обычаямъ язычниковъ—сдѣлалось модою между іудеями, особенно богатыми и знатными. Напрасно пророки увѣщевали народъ оставить идолопоклонство и развратную жизнь—народъ не обращалъ вниманія на ихъ слова и даже смѣялся надъ ними. Напрасно нѣкоторые благочестивые цари, какъ Езекія и Іосія, старались совершить обращеніе своего народа, очищеніе своего царства отъ идолопоклонства,—усилія ихъ не приводили къ желаннымъ результатамъ, потому что самъ народъ не былъ расположенъ къ такому доброму дѣлу. Нужно было какое нибудь необычайное средство для исправленія и возстановленія упавшаго народа, — средство, которое отрез-

вило бы обезумѣвшій народъ, дало бы ему возможность понять, чего онъ лишается, нарушая завѣтъ свой съ Богомъ, и какую бѣду накликаетъ на себя своей страстью къ идолопоклонству. Такимъ средствомъ оказался плѣнъ вавилонскій. Чего не могли совершить пророки и лучшіе цари, то совершила страшная катастрофа, постигшая народъ іудейскій, насильственно вырвавшая его изъ отечественной земли и бросившая его въ чуждую страну, въ среду идолопоклонства.

Среди самыхъ тяжелыхъ ударовъ несчастія, какимъ только можетъ подвергнуться народъ, іудеи безъ сомнѣнія припомнили прежде всего увѣщанія и угрозы пророковъ: теперь предъ глазами несчастнаго народа было самое строгое и точное исполненіе многихъ изъ нихъ; онъ припомнилъ свою крайнюю беспечность, постыдное пренебреженіе къ рѣчамъ пророческимъ, свою прежнюю беззаконную жизнь, горькія и ужасныя послѣдствія которой онъ теперь испытывалъ, и чувства глубокаго сокрушенія и искренняго раскаянія должны были пробудиться въ немъ. Оно такъ дѣйствительно и было. Самое ясное свидѣтельство этого представляютъ намъ четыре дня покаянія и поста, которые соблюдались въ воспоминаніе четырехъ величайшихъ пародныхъ несчастій ежегодно, въ четыре различныя мѣсяца, и продолжали существовать до дней новаго Іерусалима (Зах. 7, 5; 8, 19). Съ самаго плѣна начался въ обществѣ іудейскомъ поворотъ жизни къ лучшему; народъ желалъ бы прекратить всякую связь съ своей прошедшей жизнью и, еслибы это было возможно, забыть о ней совсѣмъ. Не грѣшить опять такъ, какъ грѣшили отцы т. е. предки,—теперь стало настоятельнымъ завѣщаніемъ повому цоколѣннiю: *прогнвася Господь на отцы ваша и въ оумъ велимъ. И речеши къ нимъ: сиче глаголетъ Господь Вседержитель: обратитесь ко Мнѣ, и обращуся къ вамъ. И не будите, яко же отцы ваша, ихже обличаху пророцы прежнiи* (Зах. 1, 2—4; 7, 6—12). Это увѣщаніе Божіе пашло добрую почву въ сердцахъ іудейскаго народа, возвращавшагося изъ плѣна вавилонскаго. Жизнь въ плѣну, сре-

ди язычниковъ какъ нельзя больше способствовала возбужденію отвращенія къ идолопоклонству и содѣйствовала раскрытію сознанія несравненнаго превосходства истинной религіи. Теперь послѣ плѣна уже нѣтъ и помину объ идолахъ: служеніе имъ потеряло для іудеевъ всю свою привлекательность; какъ причина всѣхъ бѣдствій, перенесенныхъ народомъ, какъ религія того народа, у котораго іудеи были въ поработченіи, идолопоклонство рѣшительно имъ опротивѣло. Въ плѣну всѣ отдѣльныя личности народа іудейскаго должны были по необходимости вступать въ постоянное и самое тѣсное соприкосновеніе съ язычествомъ; теперь самымъ рѣшительнымъ и опредѣленнымъ образомъ поставленъ былъ самой жизнію вопросъ, нужно или нѣтъ забыть и оставить свою религію и подчиниться религіи языческихъ повелителей. Но вопросъ этотъ не могъ быть рѣшенъ въ пользу язычества: самое близкое соприкосновеніе, самое точное знакомство съ нимъ должно было возбудить въ іудеяхъ самое глубокое отвращеніе отъ него: между вавилонянами язычество достигло высшаго развитія, и въ искусствѣ и въ наукѣ и въ самой жизни оно выразилось вполне со всѣми своими недостатками, со всѣмъ своимъ нравственнымъ безобразіемъ. По мѣрѣ того, какъ язычество въ глазахъ народа іудейскаго теряло свое очарованіе и свое обаятельное вліяніе на него, предъ его сознаніемъ ярче и ярче выступали высокія преимущества его отечественной религіи: высота истинъ, которымъ она учила, чистота нравовъ, которые она заповѣдывала своимъ послѣдователямъ, теперь стали понятнѣе и осязательнѣе народу іудейскому: въ немъ пробудилось самое сильное стремленіе сохранить неизмѣнную вѣрность вѣчнымъ истинамъ своей религіи, на которыхъ нѣкогда основано было общество; теперь наконецъ народъ глубоко созналъ, что онѣ только и могутъ составить истинное его счастье и онѣ только и могутъ поддержать его въ эту тяжелую годину испытанія. Съ болѣе чуткимъ сознаніемъ истинности служенія Іеговъ пробудилось теперь презрѣніе ко всему языческому.

И чѣмъ болѣе сознавалъ народъ іудейскій достоинства своей религіи и пустоту и ничтожество идолопоклонства, тѣмъ мрачнѣе и безотраднѣе казалась ему прежняя его жизнь, тѣмъ сильнѣе пробуждалось въ немъ горькое чувство раскаянія въ прежнихъ преступленіяхъ, въ своей прежней привязанности къ идолопоклонству и въ постоянномъ оскорбленіи Іеговы Бога израилева. И послѣ плѣна обстоятельства возвратившагося народа были таковы, что все болѣе и болѣе усиливало это чувство и приводило на память прежнія преступления народа. Бѣдность, скудость народныхъ средствъ, несчастія и разнаго рода неудачи, особенно неудачи при возстановленіи храма, политическое ничтожество и зависимость іудеевъ отъ язычниковъ—все это и многое другое усиливало въ народѣ упреки совѣсти и пробуждало въ немъ чувства самаго глубокаго и смиреннаго раскаянія предъ Господомъ Іеговою. Въ минуты такого покаяннаго настроенія духа народъ іудейскій проникался самымъ глубокимъ и смиреннымъ признаніемъ своей виновности предъ Богомъ: ради множества беззаконій онъ считаетъ себя недостойнымъ быть избраннымъ народомъ, стыдится обратить лице свое къ Іеговѣ Богу своему и въ своихъ прежнихъ безчисленныхъ бѣдствіяхъ и въ настоящемъ довольно уничиженномъ состояніи видитъ праведное воздаяніе за всѣ преступления народа. Въ своей молитвѣ предъ Богомъ вотъ что говоритъ Ездра: *Господи, Боже мой, стыжуся и срамляюся воздвигнути лице мое къ Тебѣ: яко беззаконія наша умножишася на челоуки нашихъ, и прегрѣшенія наша возрасташа даже до небесе. Отъ дней отецъ нашихъ въ преступленіи великомъ есмь даже до дне сего: и въ беззаконіихъ нашихъ предани есмь мы и цари наши и священницы, и сынове наши въ руку царей языческихъ, въ мечь, и въ плѣненіе, и въ расхищеніе, и въ стыднѣе лица нашего, яко же въ день сей* (1 Ездр. 9, 6. 7). Чувства Ездры, выраженные въ этой трогательно-покаянной молитвѣ, по справедливости, можно считать чувствами и большей части народа; потому что эта мо-

литва глубоко подѣйствовала на народъ, вызвала у него не только слезы раскаянія, но и самое живое желаніе исправить свою жизнь сообразно Закону Божию (1 Ездр. 10). И вообще въ народѣ іудейскомъ за это время замѣтно сильное стремленіе сообразоваться въ жизни своей съ волею Божіею. Для удовлетворенія этого стремленія при всякомъ удобномъ случаѣ и особенно при всенародныхъ собраніяхъ предлагалось чтеніе и толкованіе Закона Божія. Слова апостола Іакова на апостольскомъ соборѣ: *Моисей отъ родовъ древнихъ по всемъ градомъ проповѣдающія его имать въ сонмищахъ по вся субботы чтомый* (Дѣян. 15, 21) — конечно можно относить ко временамъ и прежде плѣна; но мы въ первый разъ послѣ плѣна имѣемъ опредѣленные свидѣтельства о чтеніи Закона Божія и объясненіи его многочисленному собранію народа, потому что плѣнъ пробудилъ въ народѣ живую потребность изученія закона. Уже Ездра подаль примѣръ чтенія и объясненія закона во время торжественныхъ народныхъ собраній (Неем. 8, 1 и д.). Кажется на первый разъ эта обязанность преимущественно лежала на священникахъ (Мал. 2, 7 ср. Неем. 8, 7—9. 11; 9, 5). Между прочимъ именно и распространеніе знанія Закона Божія въ народѣ все сильнѣе и сильнѣе пробуждало желаніе устроить и общественную и частную жизнь по закону Моисееву и устранить отсюда все чуждое, языческое.

Такимъ образомъ вообще говоря іудеи послѣ плѣна были очень строги въ религіозной и нравственной жизни; во всемъ замѣтно стремленіе сообразоваться съ закономъ Моисеевымъ; объ уклоненіи іудеевъ къ богамъ чуждымъ, пристрастіи къ языческимъ обычаямъ,—у пророковъ послѣ плѣна нѣтъ ни слова; только впоследствии появились нѣкоторыя уклоненія отъ предписаній закона Моисеева. Народъ сталъ удерживать у себя часть десятины и другихъ приношеній, предписанныхъ закономъ, приносилъ жертвы недоброкачественныя, со многими недостатками, запрещенными закономъ,—возлагалъ на

жертвенникъ нечистый хлѣбъ, животныхъ слѣпыхъ, хромыхъ и больныхъ, а лучшія вещества и лучшихъ животныхъ оставялъ у себя. На жрецахъ лежала обязанность слѣдить за доброкачественностію приносимаго въ жертву и устранивать отъ жертвенника то, что запрещено закономъ. Но жрецы не исполняли этой обязанности; принимали отъ приносящихъ и возлагали на жертвенникъ нечистый хлѣбъ и животныхъ съ разными недостатками. Такое пренебреженіе своими обязанностями со стороны жрецовъ происходило отъ крайней безпечности, а скорѣе всего отъ корыстныхъ расчетовъ, прикрываемыхъ только лукавымъ списхожденіемъ къ бѣдности приносившихъ жертву (Мал. 1, 7—14; 3, 8—12). Другимъ и, кажется, болѣе опаснымъ уклоненіемъ отъ закона Моусеева были браки съ языческими иноплеменницами. Съ одной стороны такими браками наносилась крайняя обида іудейкамъ, оставляемымъ ради иноплеменницъ: несчастныя, брошенныя своими прежними мужьями, должны были терпѣть крайнюю нужду, находиться въ крайне безпомощномъ положеніи; съ своими жалобами, слезами и воплемъ онѣ могли обращаться только къ Богу; на это указываетъ пророкъ, когда говоритъ: *покрываете слезами олтарь Господень, и плачете и воздыханіемъ отъ трудовъ* (Мал. 2, 13). Съ другой стороны, разводясь съ іудейками и вступая въ бракъ съ язычницами, подрывали уваженіе къ брачному союзу и тѣмъ обязанностямъ, которыя съ нимъ неразлучны, а главное путемъ такихъ браковъ открывали свободный доступъ въ общество языческимъ вѣроваціямъ и правамъ: іудейскому обществу снова грозила опасность сдѣлаться языческимъ. Вотъ почему пророки и благочестивые люди того времени сильно возстали противъ такихъ браковъ и старались прекратить зло въ самомъ началѣ. Вотъ почему пророкъ Малахія называетъ такіе браки мерзостію и униженіемъ святыни Иеговы: *оставленъ бысть Иуда, и мерзость бысть во Израиль и во Иерусалимъ: зане оскверни Иуда святая Гос-*

подня, яже возлюби, и преїде къ богомъ чуждимъ (Мал. 2, 11. ¹).

Не желая оправдывать этихъ уклоненій и уменьшать ихъ значенія, мы все таки должны сказать нѣсколько словъ объ ихъ характерѣ сравнительно съ преступленіями народа предъ плѣпомъ. Тамъ замѣтно грубое пренебреженіе Закона Божія, исчезновеніе всякой мысли о его святости и превосходствѣ предъ религіями прочихъ народовъ; здѣсь преступленія народныя вовсе не имѣютъ такого характера: нарушая то или другое предписаніе Закона, народъ еще сознаетъ святость и значеніе Закона и не считаетъ себя свободнымъ отъ исполненія его предписаній; хотя онъ и придумываетъ разныя извиненія въ свое оправданіе, но по всему видно, что онъ считаетъ себя преступникомъ, достойнымъ наказанія: самое выдумываніе предлоговъ въ свое оправданіе показываетъ это. Конечно, преступно лукавое извиненіе своихъ грѣховъ, но все же оно показываетъ, что человѣкъ не такъ глубоко палъ, какъ палъ тотъ, кто при всѣхъ своихъ преступленіяхъ не считаетъ себя виновнымъ предъ Закономъ; доколѣ живетъ въ человѣкѣ сознаніе своей виновности, доколѣ еще есть надежда на его исправленіе. Такимъ именно характеромъ и отличаются упомянутыя уклоненія народа іудейскаго отъ Закона въ періодъ послѣ плѣна. Народъ утаиваетъ у себя часть десятинъ и другихъ приношеній, приноситъ въ жертву запрещенное Закономъ, — и въ оправданіе себя ссылается на свою бѣдность и затруднительныя обстоятельства (Мал. 3, 8—12) и тѣмъ обнаруживаетъ сознаніе своей виновности. Поэтому-то обличенія пророковъ того времени не оставались безъ добрыхъ послѣдствій. Пророкъ Малахія обличаетъ народъ за утаиваніе десятинъ и лукавое извиненіе себя бѣдностію, и съ достовѣрностію можно думать,

¹ Съ еврейскаго: Вѣроломна Іудей, и мерзость совершается у Израїля и въ Іерусалимѣ: ибо Іуда унизила святыню Іеговы гѣмъ, что любить и беретъ въ супружество дочь бога чужаго.

что слова его не остались безъ дѣйствія: хотя на это нѣтъ указаній въ самыхъ пророческихъ писаніяхъ, но вся послѣдующая исторія народа іудейскаго показываетъ, что слова пророка упали на добрую землю: у іудеевъ послѣдующаго времени было сильно развито уваженіе ко всѣмъ предписаніямъ Закона Моисеева. Ездра и Малахія обличаютъ своихъ единоплеменниковъ за незаконныя супружества съ иноплеменницами и съ такимъ успѣхомъ, что влѣдствіе ихъ убѣжденій расторгнуто было много такихъ супружествъ (1 Езд. 10, 18—44).

Въ періодъ послѣ плѣна вавилонскаго, когда стѣсненные обстоятельства народа все болѣе и болѣе возбуждали ожиданіе Мессіи, заключился кругъ откровеній о Мессіи и Его царствѣ. Здѣсь открыто было не мало частныхъ событій изъ земной жизни грядущаго Мессіи. Вотъ сущность этихъ откровеній въ краткомъ очеркѣ. Предъ пришествіемъ Мессіи въ міръ явится Его Предтеча (Мал. 3, 1). Онъ будетъ дѣйствовать въ духѣ Иліи (—4, 5). Какъ только Предтеча исполнитъ свое дѣло, тотчасъ явится въ храмъ Свой Господь, Ангелъ Завѣта (Мал. 3, 1). Въ жалкомъ положеніи будетъ тогда народъ іудейскій. Онъ будетъ походить тогда на стадо овецъ, пазаченныхъ на убіеніе, которыхъ купившіе убиваютъ и за грѣхъ не почитаютъ того, и продавшіе говорятъ: „благодареніе Іеговѣ, теперь я разбогатѣлъ“ и которыхъ жалѣютъ пасущіе ихъ. Для спасенія этихъ-то несчастныхъ овецъ и придетъ на землю Господь, Пастырь добрый. Съ великимъ тщаніемъ Онъ будетъ пасти овецъ Своихъ, но повсюду найдетъ противорѣчіе Себѣ: величайшій Пастырь не смотря на Свои безконечныя заслуги, будетъ оцѣненъ Своимъ народомъ въ тридцать сребренниковъ (Зах. 9, 4—14). и не смотря на то, что Онъ царь Правосудный, Кроткій и Спасающій (Зах. 9, 9), Его пронзятъ неблагодарный и бессмысленный народъ (Зах. 12, 10). Но этимъ самымъ народъ произнесетъ надъ самимъ собою приговоръ. Наказанія Божіи разразятся теперь надъ Іудею. Сильныя массы войска окру-

жать стѣны Иерусалима и стѣснять городъ (—12, 2); страшныя бѣдствія постигнуть тогда Иерусалимъ: городъ будетъ взятъ, дома будутъ разграблены, поруганы будутъ жены и пойдетъ половина города въ плѣнь (—14, 2). Тогда у ослѣпленныхъ отверзутся очи; они исповѣдуютъ свое согрѣшеніе въ отношеніи къ истинному Пастырю и полныя скорби раскаянія воззрятъ на Того, Котораго прозили и спасутся (—12, 10). А между тѣмъ дѣло добраго и истиннаго Пастыря отнюдь не погибнетъ, не смотря на Его смерть. Его Царство—царство мира—распространится повсюду; держава Его будетъ простираться отъ моря до моря и отъ рѣки великой до предѣловъ земли (9, 10), потому что и у язычниковъ откроются очи; весь міръ будетъ покланяться единому Богу: *отъ Востокъ солнца до Западъ имя Мое прославится во языцехъ и на всякомъ мѣстѣ фиміамъ приносится имени Моему и жертва чиста: зане велие имя Мое во языцехъ будетъ, глаголетъ Господь Вседержитель* (Мал. 1, 12).

К—ій.